

Святослав Логинов

Драгоценнее многих (Медицинские хроники)

Святослав Логинов

**Драгоценнее многих
(Медицинские хроники)**

«Автор»

1995

Логинов С. В.

Драгоценнее многих (Медицинские хроники) / С. В. Логинов —
«Автор», 1995

XVI век – Европа прощается со Средневековьем. Но не только в кровавых баталиях и жарких диспутах богословов рождался новый мир. Врачи переступают в это время через порог средневековой медицины. Они решаются нарушить многие запреты прошлого и подвергнуть сомнению то, что ещё совсем недавно казалось неопровержимой истиной...

© Логинов С. В., 1995

© Автор, 1995

Содержание

1. День первый	5
2. Руками и инструментами	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Святослав Логинов

Драгоценнее многих (медицинские хроники)

*Опытный врач драгоценнее многих других человек.
Гомер «Илиада»*

1. День первый

*Клянусь Аполлоном врачом, Асклеием, Гигией и Панацеей и
всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно,
соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу
и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному
искусству наравне с моими родителями, делиться с ним моими
достатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах.
Гиппократ «Клятва»*

За ничтожную сумму в три лиара какой-то крестьянин согласился подвести его до самых городских ворот. Город был уже близко, то и дело по сторонам мелькали аспидные и черепичные крыши аббатств, чаще попадались деревни, и вид у них был зажиточней. Мул, потряхивая пристроенным на лбу бубенчиком, быстро тащил повозку по дороге, огибавшей Монмартрский холм, на вершине которого крутились на ветру бесчисленные парижские мельницы.

Мигель сидел на краю повозки рядом с корзинами полными зелени и молодой чистой репы, глядел на появившиеся вдали шпили столичных церквей. В голове звучал стишок, который, бывало, любила повторять мать:

Город Париж – это дом королей,
Светлого Феба сиянье лучей,
Сирия в цвете надежд золотых
Данная людям в писаньях святых.
Варварской Скифии щедрый рудник,
Греция, полная роскоши книг,
Рима поэты, ученья раджей,
Мудрые речи афинских мужей,
Вечный розарий, прекрасный как сон
Благоухающий дивный Сидон!

Дорога круто свернула влево, шпили королевской усыпальницы – аббатства Сен-Дени скрылись за лесом, мельницы с Монмартра последний раз прощально взмахнули крыльями и тоже пропали. Колёса задребезжали по неровному бульжнику Антуанского предместья, над ветхими домишками навстречу путешественнику поднялись городские стены и массивные ворота Сен-Антуан, охраняемые круглыми башнями Бастилии.

Париж!

Позади осталась Германия, разбойничьи гнёзда рыцарских замков, разбросанных по вершинам меловых скал, суতোлка вольных городов, рваная серость всеми презираемого крестьянства, горожане, наперекор имперским указам заносчиво обряженные в синее, позади чужая лающая речь, горькое пиво и жирная свиная колбаса. В прошлом два года, потраченные на

бесплодные споры с людьми, учёность свою любящими больше правды. В Германии остались и немногие друзья, гонимые, но не бросившие мечту о грядущей христианской коммуне. И ещё ряды виселиц, поставленных семь лет назад для воинов непреклонного Томаса Мюнцера и не пустовавших с тех пор ни единого дня. Просто чудо, что он живой вырвался из Германии.

Возле ратуши Мигель слез с повозки, благополучно преодолел рытвины давно не ремонтированной Гревской площади и очутился на берегу Сены. Только свинцовая полоса кажущейся неподвижной воды отделяла его от острова Сите, башен собора Богоматери и узких кирпичных арок Отеля-Дьё – больницы, древностью и славой уступающей лишь госпиталю города Лиона.

С минуту Мигель колебался, какой дорогой идти дальше: за переход через Старый мост надо платить два су, а по новому мосту можно перебраться на другой берег бесплатно. Денег у Мигеля оставалось мало, но он очень устал, нога, сломанная ещё в детстве, болезненно ныла, и Мигель хромал сильнее обычного. А Новый мост выводил к самым крепостным стенам, откуда пришлось бы возвращаться через весь город. Мигель заплатил деньги, перелез через натянутую поперёк моста цепь и двинулся к Отелю-Дьё. Сквозными проходами вышел к Малому мосту, за которым на другом берегу темнели крыши Латинского квартала. Там располагается опора и слава католической церкви – Сорбонна. Туда держит путь разыскиваемый церковными трибуналами трёх стран еретик Мигель Сервет.

Порой Мигелю самому казалось удивительным, что он и есть тот самый Мигель Сервет, о котором враги говорят столько худого, а друзья предпочитают молчать, потому что слишком опасно быть другом Сервета. А началось всё несколько лет назад, когда духовник молодого императора Карла во время приезда в один из арагонских монастырей обратил внимание на невысокого странно светловолосого и к тому же хромого воспитанника. Четырнадцатилетний Мигель выделялся среди товарищей не только внешне. Он бегло говорил по-латыни, знал греческий и еврейский языки, мог объясниться с итальянцем, а испанский и французский языки были его родными. Мальчик оказался твёрд в вере, показывал изрядные для своего возраста познания в схоластической теологии и философии и, как выяснилось, приступил даже к изучению арифметики. Кардинал пришёл в восхищение, и талантливый юноша был включён в свиту императора в качестве секретаря его духовника.

Император направлялся для коронации в Рим, следом за императором туда же поехал и Мигель.

Знал бы добрый духовник, какую ошибку он совершил! Насмотревшись на фривольные нравы курии, привыкший к аскетизму Мигель сразу и навсегда разочаровался в католицизме. К тому же, нашлись люди, выслушавшие его сомнения и указавшие иной путь. Мигель Сервет примкнул к последователям виттенбергского пророка Мартина Лютера. Он покинул свиту Карла, три года учился юриспруденции в университете Тулузы, а затем направился в Германию, куда звали его новые учителя.

Но вскоре между Мигелем и сытыми бюргерскими проповедниками появилась трещина, которая в самый недолгий срок обратилась в пропасть. Дело в том, что были в Германии и такие люди, которые подобно Мигелю мечтали о пришествии на землю царства небесного, о возвращении тех времён, когда «верующие были вместе и имели всё общее». Не желая ждать последних времён, они восстали на вавилонскую блудницу, но сами пали от меча. Случилось это за несколько месяцев до того, как императорский духовник выбрал себе нового секретаря; тогда ещё Мигель ничего не слышал о Томасе Мюнцере и его крестьянском войске. И вот теперь, запоздалым пророком выступил он на защиту погибших.

Одна за другой вышли две книги Мигеля, после чего в беспокойном богословском мире Германии разразилась настоящая буря. Молодой богослов посмел отвергнуть святую Троицу, ему хватало божественной природы и человека Христа, призывавшего к равенству и милосердию. Этим Сервет разом отрицал и авторитет церкви, и божественность светской власти.

Подобного не могли допустить ни католики, ни протестанты. Неужто князья согласятся, что казни крестьянской войны были неправыми? Нетб уж лучше «снова распять Христа, если бы он явился».

Мягкосердечный страсбургский проповедник Мартин Бупер требовал колесовать нечестивца, вождь базельской реформации Эколампадий предлагал виселицу, кёльнский инквизитор Конрад Ульм в длинных посланиях к протестантам требовал, чтобы Сервета отдали ему для сожжения. Именно эта неразбериха и позволила Сервету уцелеть. Хотя, трудно сказать, чем бы всё могло кончиться, если бы однажды у него в гостинице не появился лейденский портной Ян Бокелзон.

– Учитель, – начал он, и непривычное обращение заставило сердце Мигеля учащённо забиться, – я боялся опоздать, большое счастье, что тебя не схватили страсбургские фарисеи, и что ты не уехал отсюда в другой город...

– Мне обещали приют и безопасность, – объяснил Мигель, – а в случае несогласий гарантировали свободный отъезд, чтобы кто-либо не подумал, будто я предался бегству...

– Так было прежде твоей второй книги, учитель, – настаивал Бокелзон, – тогда от тебя ждали раскаяния. А сейчас только немедленное бегство может избавить тебя от ненужного мученичества. Меня прислал брат Иоганн Матис из Гарлема. Он предлагает тебе достойное убежище. Кроме того, у меня есть для тебя письмо к польским братьям, они тоже будут рады видеть учёного проповедника. Но лучше всего, если ты поедешь в Мюнстер. Мюнстерские анабаптисты достигли немалых успехов, и, думается, не пройдёт и года, как знамя нового Сидона воссияет над миром, и Вавилон будет сокрушён!

– Я не поеду в Мюнстер, – печально сказал Мигель. – Мне двадцать лет, но я слаб и болен, мои руки больше привыкли к лёгкому перу, чем к тяжёлой алебарде. К тому же, я не верю, чтобы силой можно было сделать людей счастливыми. Убедить можно только словом, и моё слово всегда будет на стороне обиженных. Сегодня меня не поняли и не согласились со мной, я думаю, это произошло оттого, что мои книги ещё несовершенны, варварски написаны, спутаны и неисправны. На диспуте в Гагенау меня уличили в недостаточном знании Аристотеля, а доказывая человеческую сущность Христа, я не мог сказать ничего конкретного. Пророчество обретает силу лишь в искусных устах, ты зря называешь меня учителем, мне ещё самому следует учиться, в первую очередь философии и медицине. Дух божий – в крови, а что мы, пролившие реки крови, знаем о её сущности? Познав душу и тело людское, я напишу книгу, которая заставит даже самых упрямых признать мою правоту, и вам не придётся поднимать оружие на защиту коммуны. Но для этого мне надо ехать в Париж, в Сорбонну.

– Пусть будет так, – согласился Бокелзон. – У нас мало учёных защитников, а после мученической смерти Томаса Мюнцера, община вовсе оскудела знающими мужами. В Париже ты будешь подобен Даниилу в пасти льва и Ионе во чреве китовом. Братья станут молиться за тебя.

В тот же день Мигель выехал во Францию. Немногие нужные вещи Бокелзон обещал отправить следом. А пока Мигель Сервет, назвавшийся для безопасности французом Мишелем Вильнёвым, прибыл в Париж, не имея ни денег, ни знакомств, ни сколько-нибудь ясных планов – ничего, кроме желания изучить медицину, чтобы потом доказать, каким образом дух божий присутствовал в теле человека Иисуса Христа.

На Малом мосту Мигеля окружила невообразимо пёстрая толпа. Из дверей теснящихся вдоль перил лавочек тянуло пряными запахами, дымом и гнилостным зловонием. Здесь торговали городские аптекари. В Мигеле сразу опознали приезжего, его хватали за рукава, зазывали в лавочки и прямо на крутых ступенях моста пытались всучить всевозможные средства:

– Камень безоар из слезы благородного оленя, спасает от любого яда! – соблазнял один.

– Месье, астеническая конституция ваших членов указывает, что вам необходимо лечение майскими травами, – взывал второй. – У Грио вам предложат золотой питьё, которое только разорит вас, я же лечу сразу и дёшево... Месье!..

– Могу предложить ладанку с волчьим зубом и цветами незабудки, – шептал в ухо продавец вовсе уже каторжного вида, – кто станет носить её на шее, о том никто никогда не подумает дурно...

Последний шарлатан оказался особенно назойливым, он долго провожал Мигеля, страшным шёпотом предлагая амулеты из волос самоубийцы и целебные мази из сала повешенного. Мигель насилу отвязался от самозваного эскулапа. Ничего не поделаешь, вокруг настоящей медицины всегда вертится тьма самозванцев.

За мостом начались узкие улочки Латинского квартала. Над головой почти смыкались выступающие этажи старинных домов, в которых помещались столетия назад основанные коллегии, снискавшие громкую славу своими почтенными профессорами, а также учёными магистрами. Мигель облегчённо перевёл дыхание. Он добрался до цели путешествия, и теперь Мигеля Сервета больше нет, по улицам Парижа идёт студент-медикус Мишель Вильнёв.

* * *

В один из дней конца сентября 1533 года анатомический театр Парижского университета заполнила на редкость разнородная толпа. В готическом зале под короной лежал завёрнутый в покрывало труп неизвестного бродяги, удушенного третьего дня на Гревской площади, а вокруг собрался едва ли не весь цвет французского двора. Школярам, бакалаврам, даже магистрам сегодня пришлось потесниться. В первом ряду, в специально принесённом кресле сидела королева Наварры, сестра французского короля – Маргарита. Придворный врач Николя Флорен держался на полшага сзади и шёпотом давал пояснения любознательной королеве. Далее расположились придворные, и надо отметить, что многие пришли сюда своей охотой и, к тому же, не в первый раз. Окружение Маргариты состояло из людей образованных, а значит – из вольнодумцев. Да и сама королева некогда пострадала за излишне вольный образ мыслей. Книга её рассказов была осуждена Сорбонной и сожжена на площади. Об этом знали все, и королева тайне гордилась этим.

На профессорской кафедре возвышался Якоб Сильвиус. Сегодня он читал Галена «О назначении частей» – курс, принесший ему великую и заслуженную славу. Конечно, Галена можно с успехом читать и не роясь в протухших кишках висельника, но со времён Мондино обычай требовал, чтобы лекции по анатомии хотя бы изредка сопровождались публичными демонстрациями.

Приглашённые цирюльники обязаны были сидеть на соломе, разбросанной вокруг стола, но сидеть в присутствии королевы не смели, а встать не могли, чтобы не загоразивать вида, и неудобно жались на корточках, ожидая приказа начать секцию. Будущие же медикусы теснились позади, лезли ногами на скамьи, облепляли колонны.

Сильвиус читал резким сильным голосом, чётко произнося слова и акцентируя внимание слушателей на наиболее важных моментах:

– Всё, что касается печени, уже достаточно описано, остаётся указать на защищённость её положения, о котором Природа с самого начала особенно позаботилась. Будучи соединена с желудком и со всеми кишками посредством вен и окружающей их оболочки, в виде её формы и долек, она трудно отделяется от них, – лектор оторвался от книги и сказал:

– Последнее требует особого пояснения. Латинский текст, коим обычно пользуются, сильно искажён в этом месте, в результате чего ещё в самое недавнее время бытовало мнение, что печень трудно отделяется от остальных органов по причине сложной формы долек, из которых состоит оболочка. Однако, внимательное изучение греческой рукописи Галена пока-

зало, что прочитанное следует понимать иначе, а именно: сама печень состоит из двух либо четырёх долей, и хотя свободно скользит среди оболочки, но будучи крепко оплетена связками и двумя входящими в её тело венами, представляет немалые трудности анатому.

– Ваше величество, – обратился он к королеве, – позвольте мастеру провести вскрытие и продемонстрировать вашему величеству печень человека, её расположение и входящие в неё вены.

Королева неспешно кивнула, один из цирюльников поднялся, взял в тазу с инструментами широкий медный нож и приступил к вскрытию. Сильвиус, не глядя, продолжал:

– Таким образом, сама Природа подтверждает правоту божественного Гиппократы, а также повсюду прославленного его толкователя Галена – величайших божеств медицины после Апполона и Асклепия.

Цирюльник засунул руку в брюшную полость, пытаясь вытащить на свет и показать собравшимся какой-то орган.

– Невежда кромсает желудок, – шепнул Флорен на ухо королеве.

Маргарита рассмеялась.

– Учитель, остановите дурака! – звонкий голос прорезал монотонный гул аудитории.

Сильвиус замер на полуслове. Толпа обернулась на звук. С ближайшей скамьи соскочил высокий человек, одетый в длинный тёмный плащ, какие принято носить среди школяров. Густая борода не могла скрыть молодости студента и лишь подчёркивала румянец свежих щёк и задорный блеск глаз. Студент оттолкнул цирюльника, крикнув:

– Бездельник, тебе место на этом столе, а не возле него! – затем, уже не обращая ни на кого внимания, быстро, опытными движениями начал вскрытие.

Все молча ждали. Сильвиус растерянно стащил с нечёсанных жёстких волос профессорский берет, потом, вспомнив, что он на кафедре, а значит, должен быть с покрытой головой даже в присутствии королевы, поспешно натянул его. Королева перевела удивлённый взгляд с неожиданно объявившегося прозектора на Флорена. Тот чуть слышно пояснил:

– Андрей Везалиус Витинг, сын императорского аптекаря. Замечательно способный юноша, – Флорен самодовольно улыбнулся и добавил: – Мой протеже.

Везалий отошёл от стола. Теперь все могли видеть, что секция проведена отлично.

– Благодарю, – кивнул оправившийся от неожиданности Сильвиус и продолжил чтение: – Природа, снабдив повсюду печень связками...

– Учитель, – вновь прервал лектора Везалий, – мы видим здесь полую вену, артерии и связки, но сама печень не делится на доли. Части, о которых упоминает Гален, я видел лишь у собак и свиней. Неужели отсюда следует, что Пергамец ошибся?

Сильвиус даже не пытался скрыть недовольство. Мальчишка второй раз нарушил порядок лекции. Мало того, он допустил грубейшее нарушение придворного этикета, обращаясь к третьему лицу в присутствии королевы. Но если первая выходка была вызвана вполне понятным бахвальством, желанием блеснуть низменным прозекторским искусством, то теперь он необдуманно бросал вызов самой науке – непререкаемому авторитету божественного Галена. Сильвиус медленно спустился с кафедры, нагнулся, разглядывая близорукими глазами отпрепарированные органы.

– Ваше величество, – признал он, – несчастный действительно лишён долей печени. Досадное уродство, и оно, конечно же, ничего не доказывает. Глупый мальчик поступил бы гораздо вернее, если бы искал подтверждения своим взглядам в описаниях Галена, а не подле виселицы, куда попадают создания извращённые как душой, так и телом. Печень ДОЛЖНА состоять из многих частей, так как если бы в ней имелась только одна большая полость, то кровь не задерживалась бы там долго, и кровотворение было бы вследствие этого, хуже. Так утверждают Герофил, Руф и даже сам Аристотель!

Везалий молчал, сражённый словами знаменитого доктора. Значит, все, кого ему приходилось вскрывать до сих пор, были жалкими уродами, лишёнными полноценной печени! Везалий стоял, расставив руки с растопыренными, перепачканными кровью пальцами, и весь вид его выражал такую растерянность, что кто-то из свиты королевы не выдержал и расхохотался, громко хлопая себя ладонями по бокам, где, несомненно, скрывалась сильно разветвлённая печень.

– Однако, – промолвил Сильвиус, не спеша возвращаясь на кафедру, – предоставим ослам жевать свой латук и вернёмся от ничтожных препирательств к великой науке. Как было сказано, Природа, снабдив печень связками...

Королева была довольна. Маленький анатомический скандал получился необычайно милым и очень ей понравился.

* * *

За стрельчатыми, исчерченными свинцовыми переплётами окнами плавился вечер. Придворные и школяры, профессора и любопытствующие дворяне давно уже занимались своими далёкими от анатомии делами. Анатомический театр, расположенный на одной из тупиковых улиц Университетской стороны, был пуст. Только два человека сидели на краю секционного стола и вполголоса обсуждали свои беды.

– Так-то, друг Мишель, – говорил Везалий, – воистину не знаю, кому верить, всему ли свету, от века твердящему одно, или своим глазам, указывающим другое. Не может же ошибаться Гален?

– Гален – великий врач, но он был таким же человеком, как и мы, а значит, его сочинения не свободны от ошибок, – твёрдо произнёс второй собеседник, щуплый худой человек, лет двадцати на вид, с мягкими светлыми волосами, жидкой бородкой клинышком и жёстким взглядом неожиданно чёрных глаз.

Одет второй студент был просто, даже бедно, и его можно было принять за монаха.

– Гален не мог знать всего, – говорил он, – в его времена запрет на вскрытия был очень строг, и вряд ли Пергамец мог часто нарушать его. Значит, он описывал строение обезьяны, овцы, собаки, кого угодно, но не человека...

– Тише, Мишель! – испугался Везалий. – Для тебя нет ничего святого! Ещё немного, и ты отыщешь ошибки в священном писании!

Мигель послушно умолк. Пожалуй, они действительно слишком близко подошли к опасной черте. До сих пор ему удавалось притворяться французом и благочестивым католиком, благо что внешне он походил на мать – уроженку Нормандии, и в нём непросто было признать испанца, а монастырское воспитание помогало скрывать вольнодумные мысли. Но всё же следует быть осторожнее.

Трудно сказать, что сдружило двух столь непохожих людей – баловня судьбы Андрея Везалия, медика в пятом поколении, предки которого уже полтора столетия служили придворными врачами Габсбургов, и опасного еретика Мигеля Сервета. Один – красавец богатырского сложения, второй хромоногий калека. Один – богач, порой даже в будний день одевающийся в блестящую венецианскую парчу. Второй предполагал в ближайшем будущем прервать учение и отправиться на заработки, потому что денег, которые нужно отдать за право сдать экзамены, а потом преподавать самому, у него не было, а просить, хотя бы и у друзей, не позволяла гордость испанского дворянина. Даже причины, приведшие их в медицину, были различны. Если Мигель искал в анатомии подтверждения религиозным взглядам, то Андрей попросту готовился занять после отца почётную должность императорского аптекаря. Он старательно изучал арабский язык, необходимый в работе аптекаря и презируемый докторами, и неспешно

трудился над переводом «Девятой книги» Разеса и комментариями к ней. Такой он видел свою докторскую диссертацию.

По самому рождению Везалий обречён был стать медиком-арабистом, сторонником осторожного Авиценны. С нежного возраста он воспитывался в преклонении перед непререкаемым авторитетом древних, перед Галеном и Гиппократом, Абулказисом и Львом Африканским. Мужественный во всём остальном, Андрей боялся только одного – противоречия с общепринятыми взглядами. Может быть потому его так тянуло к Мигелю, который, хотя и не отличался физической храбростью, но зато не признавал ничего, кроме свободного исследования. Друг в друге черпали они недостающие качества.

Друзья вышли на улицу и побрели прочь от анатомического театра и Коллегии Кальви, в которой учились и жили. Латинский квартал остался позади. С Крепостной улицы они свернули на узенькую кривую улочку Сен-Андре и остановились у церкви. Там шла зауспокойная служба.

– В Монпелье на лекциях вскрывают не только казнённых преступников, но даже дворян, – задумчиво проговорил Везалий. – Медицину там читает Франсуа Рабле. Это известный вольнодумец. Говорят, книгу о Пантагрюэле, вызвавшую такой шум, написал он.

– Вполне возможно, – согласился Сервет, – но я не вижу разницы между дворянином и бродягой. Один мой знакомый любил спрашивать: «Кто был дворянином, когда Адам пахал, а Ева пряла?» И граф, и крепостной родятся на свет одинаково голыми.

– Но потом один ест мясо, а второй – траву. Думаю, стоит посмотреть, как велики различия в строении их органов. Достать тело простого человека – несложно. Король любит вешать бедняков, а потом для вящей пользы студентов-медиков, оставляет тела болтаться на виселице. Грешным делом, мне уже приходилось похищать их оттуда. А вот где достать дворянина?

– Здесь не Монпелье, – согласился Сервет.

Из церкви вышла процессия. Впереди несли тело, за ним шёл священник и несколько монахов. Никого из родственников не было.

– Кого хороните? – спросил Андрей.

– Испанский дворянин, – ответили ему. – Вчера приехал в Париж, и в тот же день убит на поединке.

Друзья быстро переглянулись и, не сказав ни слова, пошли за процессией.

* * *

Ночь выдалась тёмной и ветреной. Изодранные тучи метались по небосклону. Луна поблескивала порой через облачную рану, но ничего не могла осветить. Острые крыши домов терялись в небе, улочки заливала темень.

На улице Францисканцев остановилась наёмная карета, из неё вышли два седока.

– Зажги фонарь и жди нас здесь, – приказал возчику тот, что пониже. Высокий пассажир вытащил из кареты длинный свёрток, и подозрительные наниматели скрылись в темноте. Возчик часто и испуганно крестился.

Кладбище окружала каменная ограда в рост человека. Андрей подсадил товарища, передал мешок, в котором гремели две лопаты. Потом, подтянувшись, влез на ограду сам. По другую сторону стены слышалось глухое ворчание, возня. Красными точками блеснули глаза. Мигель вцепился в руку Андрея.

– Что это?

– Собаки, – успокоил Андрей. – Мне уже приходилось с ними сталкиваться: возле виселиц их полно. На двоих они напасть побоятся, вот только как бы они не испортили нашего дворянчика. Парень похоронен за счёт церкви, а значит – без гроба.

Он извлёк из мешка лопату, взмахнул ею в воздухе и прыгнул вниз. Мигель, после секундного колебания, последовал за ним. У полуразрытой могилы грызлась свора одичавших бездомных собак. Они уже почти добрались до неглубоко закопанного покойника. Подняв лопату, Везалий ринулся вперёд. Раздалось несколько ударов, визг раненого пса, и поле боя осталось за людьми. Мигель зажёл потайной фонарь, друзья принялись поспешно копать.

– Вовремя успели, – сказал Везалий. – Ещё немного, и эти фурии разделили бы нашу печень на столько долей, что её не собрали бы и в день страшного суда.

Они торопливо закончили работу. Мигель забрал лопаты, а его напарник взвалил на плечи мешок с телом. Свора, наблюдавшая издали, поняла, что добычу у них уносят, и с громким лаем бросилась за похитителями. Как и в первый раз Андрей подсадил товарища на стену, передал ему лопаты и мешок, но в этот момент сразу несколько больших псов бросились на него. Услыхав крик, Мигель одну за другой швырнул вниз лопаты. Собаки шарахнулись прочь, и Везалий отчаянным прыжком взлетел на гребень стены. Лопаты остались внизу.

До экипажа они добрались без приключений, возчик хлестнул лошадей, огромные колёса запрыгали по камням и ухабам изрытых парижских улиц. Везалий, чертыхаясь, ощупывал рваную рану на ноге, перепуганный Сервет, вжавшись в угол кареты, бессмысленно шептал дрожащими губами:

Город Париж это дом королей,
Светлого Феба сиянье лучей...

При повороте на Матросскую улицу колёса провалились в глубокую канаву, и лошади стали.

– Ладно, – сказал Везалий. – Дальше мы сами.

Он швырнул вознице золотой туринский ливр, поднял мешок, сморщился от боли, помянув недобрым словом кладбищенских церберов, и пошёл вперёд. Сервет похромал следом. Они долго кружили по тесным проходам Латинского квартала, перелезали цепи, которыми запирались на ночь проулки.

– Когда найдут наши заступы и поймут, что могилу разрыли не псы, а люди, – сказал Везалий, обернувшись, – то тело будут искать на Малом мосту у аптекарей, в колдовских притонах и других тайных местах, но никто не догадается, что оно открыто лежит на улице Святых отцов. Мы спрячем его в анатомическом театре.

Анатомический театр был заперт, но привычный ко всему и заранее подкупленный слугитель отворил им. Грязный, покрытый глиной мешок свалили на пол.

– Начинай вскрытие, – сказал Везалий, – а я пока займусь своей ногой. Проклятый пёс так чисто отпрепарировал клыками мне икру, что я могу изучать четвёртый мускул стопы на себе самом.

Сервет устало опустил на скамью. Его бил озноб.

– Хватит, – выдохнул он, – больше я на такую работу не хожу.

– Друг Мишель!.. – рассмеялся Везалий, быстро бинтуя рану обрывком платка. – Ты не боишься критиковать отцов церкви и обвинять в невежестве декана факультета. И ты же оробел при виде дюжины запаршивевших щенков! Поверь, все псы Парижа не страшнее духовного суда. Впрочем, вернёмся к нашим баранам, впереди много дел, кроме печени надо посмотреть те капилляры, которые, как ты утверждаешь, соединяют вены с артериями...

Утро застало хирургов за работой. Они быстро выяснили, что полноценная дворянская печень ничем не отличается от плебейской. Теперь Сервет, пользуясь методикой, разработанной Якобом Сильвиусом, заполнял кровеносные сосуды испанца подкрашенным маслом. Краска просачивалась сквозь невидимые поры и появлялась в венах. Везалий следил за каплями масла, выступавшими на срезе ткани. Молодые люди так увлеклись, что не услышали, как

скрипнула дверь, и в аудитории появился Иоганн Гюнтер. Гюнтер недавно приехал из Лувена и, так же как и Сильвиус, преподавал анатомию. Правда, он не был столь образован как его именитый соперник, но зато его лекции чаще сопровождались демонстрациями.

– Счастлив тот, кого музы призывают к делам рано поутру, – сказал Гюнтер, присаживаясь на ближайшую скамью. – Продолжайте, господа, ваши упражнения.

Студенты поклонились.

– Приветствую вас, учитель, – сказал Везалий.

Он ещё прежде был знаком с Гюнтером. Учёбу Везалий начинал в Лувенском университете, где всезнающий швейцарец вёл в то время курс греческого языка. А теперь они встретились в Сорбонне.

Некоторое время Гюнтер молча следил за студентами, потом спросил Андрея:

– Я слышал недавно, что вы, Андреас, занимаясь самостоятельно, доказали, будто бы кость нижней челюсти, вопреки Галену, является непарной...

– Да, учитель, – ответил Везалий.

– Если вас не затруднит, мне бы хотелось посмотреть.

– Нет ничего проще, – Везалий вновь взялся за отложенный было нож.

Когда операция была закончена, Гюнтер долго сидел, дёргая массивную золотую цепь, спускающуюся на грудь.

– Вы показали всё так убедительно, – произнёс он наконец, – что я должен был бы поверить вам, если бы у Галена не было сказано прямо противоположное. Хотя, с другой стороны, за тысячу триста лет человек мог довольно сильно измениться. Пергамент насчитывает в грудной кости человека семь фрагментов, а мы находим только три. Люди мельчают. Но какое это имеет значение? Нам следует не рассуждать, а верить. «В медицинском искусстве умствование делает преступниками тех, кто им занимается, и приносит гибель тому, к кому его применяют». Это сказал Гиппократ, и мы должны беспрекословно следовать его наставлению. Я надеюсь, что ваши, внушённые молодостью, разрушительные мысли с годами утихнут, а бескорыстная преданность науке Асклепия будет вознаграждена. Друзья мои, послезавтра я читаю здесь студентам о мышцах живота. Мне бы хотелось видеть вас обоих в качестве прозекторов.

– Мы прийдём, – вразнобой ответили молодые люди.

– Значит, я рассчитываю на вас, – Гюнтер встал и вышел.

– Швейцарец – неплохой врач, – задумчиво сказал Везалий. – Кажется, нам повезло.

– Я не заметил в нём слишком большого ума, – возразил Сервет.

– О нём говорят, – согласился Везалий, – что этот анатом держит в руках нож только во время еды.

– Но ведь вскрытия будем делать мы, – подвёл итог Сервет.

В круглое окно под куполом влетали первые косые лучи солнца. Город просыпался, с улицы доносился шум. Служитель стоял в дверях и ждал, когда щедрые студиязусы закончат своё неаппетитное занятие, чтобы забрать останки испанского дворянина и закопать их вместе с частями вчерашнего висельника.

– И всё же, Гален ошибался, – сказал вдруг Везалий. – За тысячу лет у человека не могло бесследно исчезнуть четыре крупных кости и так сильно измениться все остальные органы. Но если бы такое и случилось, то значит, труд Галена потерял для нас своё высокое значение. Начиная с сегодняшнего дня, всякое слово Галена я стану проверять с ланцетом в руках!

– Мудрое решение, вполне достойное звания медика, – подтвердил Сервет. – А теперь, Андрей, пошли. Нам пора.

2. Руками и инструментами

А некоторые из них поручают своё здоровье вам в надежде, что смогут излечиться, в то время как их болезнь смертельна. Вы не должны помогать всем тем, кто подвержен этому.

Абулкасис «Трактат о хирургии и инструментах»

Неисповедимы пути господни, и древняя Фортуна воистину ходит с накрепко завязанными глазами! Кажется, только что легионы Франциска вступали в Пьемонт, смущая бегущих невиданной дисциплиной и небывалым количеством артиллерийского снаряда и аркебузирова. Путь в Италию открыт, Милан – наш!

Тяжко поворачивается колесо богини, и уже нет побед, над Альпами является стотысячное войско Карла, и доблестные легионы, не померявшись силами с неприятелем, пятятся во Францию, и император без боя врывается в Прованс. Шестьдесят тысяч храбрых немецких ландскнехтов у него, да пятнадцать тысяч итальянской пехоты, да двести сотен свирепых испанцев, обожжённых африканским солнцем и славой тунисского похода. И ещё соразмерное количество конницы и обоз, в котором упряжки мулов везут восемнадцать медных длиннотвольных пушек для притеснения засевшего в крепостях неприятеля. А кованное колесо войны снова начинает поворачиваться...

Французский отряд стоит лагерем на берегу Роны. За земляным валом пестреют палатки, рассёдланные рыцарские кони жмутся к воде. Войско отдыхает, выполняя приказ коннетабля Монморанси: от боя уклоняться, не допуская лишь переправы противника через реку. Грозный Карл Испанский со всей воинской громадой заперт в призрачное тюрьме: на иссушенных палящими ветрами просторах Прованса. Стенами тюрьмы стали три города, три южные жемчужины Франции. Прежде всего Карл напал на Марсель, но город лишь посмеялся над осаждающими, три его замка, защищающие вход в Марсельскую гавань, остались непокорёнными. Император кинулся к Авиньону, но был отброшен и от стен бывшей папской твердыни. «На Авиньонском мосту все танцуют и поют, но там никто не говорит по-кастильски». К Арлю император не пошёл. Армия голодала, а французы, закрепившись в городах и сильных лагерях вдоль берегов Роны и Дюранса, отсыпались за недели неудачного итальянского похода, ели, пили и распевали песенку:

Sur le pont d'Avignon
On y danse, on y danse!..

Среди шатров один бросается в глаза своей огромной величиной. Палатка стоит у самого вала и кажется отделившейся от остального лагеря незримой чертой. Здесь полевой госпиталь, владения войскового цирюльника девятнадцатилетнего Амбруаза Паре. Паре управляется в лазарете вдвоём с малолетним помощником Жаном, мальчишкой без роду и племени, готовым за кусок хлеба идти куда угодно и делать, что прикажут. Только в исключительных случаях в помощь Паре дают несколько солдат. Раненных в лагере довольно, в палатке все не вмещаются, и Паре ежедневно обходит лагерь с осмотром. Всего два месяца прошло с тех пор, как ему присвоили не слишком почётное звание «хирург-брадобрей», но молодого человека знают уже и в других отрядах.

Есть в лагере и ещё один лекарь – некий Дубле, эмпирик, врачующий заговорами и тайными алхимическими средствами. Командующий пехотными частями полковник Монтежан скуп на выплату жалования, Дубле сопровождает армию на свой страх и риск и потому берёт

изрядную плату. И всё же, пациентов у него ничуть не меньше, чем у казённого хирурга-брадобрея.

Амбруаз Паре невысок собой и плотен. Пробивающаяся борода ещё не может сложиться в клин, редкие волосины торчат в разные стороны. Серые выпуклые глаза смотрят цепко, движения спокойны и медлительны. Холодная Бретань влила в его жилы меланхолию, лицо неподвижно, тяжёлые веки тушат блеск глаз, но огонь разума согревает влагу сердца, возбуждая жизненный дух, и вены на висках и руках юноши вздуваются, рельефно проступая сквозь кожу.

Но сегодня Паре доволен и не скрывает этого. Вчера он провёл труднейшую операцию, больной выжил и, с божьей помощью, возможно, выздоровеет окончательно. Круглая мушкетёрная пуля попала в руку одному из офицеров Монтежана. Раздроблена кость, порваны связки, перебиты сосуды. Славный хирург Ги де Шолиак в таких случаях рекомендует ампутацию на ладонь выше локтевого сгиба. Паре провёл вычленение в локтевом суставе. После ампутации остаётся безобразный обрубок, что украшает только нищего. А так сохранилась довольно большая культя, и раненый офицер сможет впоследствии пользоваться чудом механики – железной рукой, наподобие той, что прославила недавно мятежного рыцаря Геца фон Берлихингена.

Вся операция заняла едва три минуты, а это много значит, если учесть, что при дележе войсковой аптеки именитые коллеги не оставили молодому цирюльнику ни митридата, ни опия, ни мандрагоры, ни какого иного болеутоляющего средства. Длинная операция – это лишние муки, а жестокостей в походной жизни и без того слишком много. Особенно наглядный урок этого получил Паре в самом начале войны.

При подходе к Турину решено было для устрашения дать залп из двух больших серпантин. Пушки громоподобно рявкнули, каменные ядра унеслись в сторону замка, солдаты радостно взревели, а канонир, столь удачно проводивший первый в своей жизни залп, восторженно замахал руками, отшвырнув горящий фитиль. Фитиль попал в мешок с чёрным артиллерийским порохом. Вспышка обожгла двенадцать человек. Трое были ещё живы, когда на место происшествия прибежал Паре. Он осмотрел пострадавших и сказал одно только слово: «Безнадёжно». Умирающих причастили, а потом один из старых солдат тонким итальянским стилетом хладнокровно перерезал горло всем троим. Повернулся к онемевшему Паре и хмуро буркнул:

– Так будет лучше. Что им зря мучиться...

С того дня Паре принимал в свой госпиталь всех, сколь угодно тяжёлых больных, и многие, казалось смертельно раненные, возвращались к жизни. «Я его перевязал, – говорил Паре, – а господь его вылечил».

В лагере готовились к выступлению. Разведка и местные жители сообщили, что крупный отряд неприятеля движется к переправе. Истощённая армия Карла искала выхода из мышеловки. Предстояло сражение. Аркебузиры и мушкетёры приводили в порядок свои орудия, артиллеристы снаряжали фальконеты и бастарды, а пехота просто шаталась по лагерю, солдаты чаще обычного дрались и громче горланили пьяные песни. Что уж там, завтра в бой.

Ожидал битвы и Амбруаз Паре. Проверял инструменты и лекарства, запас крепкого вина и уксуса, гонял Жана за водой к Роне, растирал ртуть по медным пластинкам – класть на рану против нагноения, готовил сурьму, пережигал реальгар. На видное место поставил котелок для кипячения бузинного масла. Новейшая война – жестокая вещь, раненные будут считаться сотнями. В прежние века не знали артиллерии и пищалей; катапульти, черепахи и баллисты древних кажутся детскими игрушками рядом с двойными пушками, василисками, фальконетами и длинными серпантинами. Раны от огнестрельного оружия обширны и глубоки, и, главное, отравлены чёрной гарью сгоревшего пороха. Ещё сто лет назад это установил страсбургский врач Иероним Бруншви́г. Ткани вокруг пулевого отверстия мгновенно вспухают, становятся синюшными. Скорую смерть от порохового яда может остановить только бесчеловечно жесто-

кий приём: выжечь яд, влить в свежую рану достаточное количество кипящего масла. Боже, помилуй рабов твоих!

Не о том мечтал Амбруаз Паре. Он хотел возвращать здоровье, утраченное по природе, а не насильно. Но медицина не знает различий в больных. Паре усвоил это правило с самого детства. Ему было шесть лет, когда отец – бедный сундучник, устроил сына в услужение мэтру Жану Виало, известному в городе мастеру, который брил самого графа Ги де Лавалья. Виало выплатил Паре-старшему сорок су и получил Амбруаза в полное своё распоряжение, обещавшись выучить мальчика парикмахерскому искусству. Но на деле мучил его домашней работой, обучение же сводил к тирадам о том, как должен преклоняться нищий мальчишка перед ним – учёным хирургом, окончившим коллегию святого Козьмы. Операции мсье Виало, хотя и был учёным хирургом, делать остерегался.

Последнее было неудобно тем, что граф Лаваль жестоко страдал от камня в мочевом пузыре. Наконец, из Парижа был выписан королевский медик Лоран Коло, чья семья уже не первое столетие специализировалась в этой деликатной операции. Камнесечение малым набором составляло тайну семьи Коло, но мэтру Лорану был нужен ассистент, и его выбор упал на мальчика, который при всём желании не мог бы похитить секрет. Секрета Амбруаз разгадать не сумел, но увидав операцию твёрдо решил: «Я буду таким же!». И вот малолетний Паре покинул хозяина, с которым, согласно договору, должен был иметь «общий очаг, горшок и кусок хлеба», но который за семь лет не научил его ничему, и вслед за Коло поехал в Анжер, а потом, когда Коло отказался взять его в ученики, Амбруаз, переходя от одного странствующего цирюльника к другому, добрался в Париж.

Еле живого мальчика приютил Отель-Дьё. Сначала Амбруаз обитал там на правах не то пациента, не то прислужника, а через год, когда ему исполнилось пятнадцать, он уже вполне официальный «товарищ хирурга», а по сути дела, тот же мальчик на побегушках, которому, тем не менее, позволено слушать лекции для хирургов, посещать операции и присутствовать при обходах палат.

Паре пробирался даже в анатомический театр, хотя вход простолюдинам туда крепко возбранялся. Сидеть приходилось вместе с другими цирюльниками почти под столом, откуда мало что можно рассмотреть. К счастью, один из прозекторов профессора Гюнтера – Андрей Везалий обратил на Амбруаза внимание, и юноша начал прислуживать при вскрытиях. Амбруаз старался попасть на лекции в университете только ради вскрытий, в латинских текстах профессоров он ничего не понимал. Когда Гюнтер покинул Сорбонну, Амбруаз вслед за Андреем перешёл к знаменитому Сильвиусу. Но потом, окончивший учение Андрей уехал на родину, и Паре, сразу лишившийся возможности наблюдать за вскрытиями, горько оплакивал его отъезд.

Но главным, всё-таки, оставался госпиталь и больные – не распластанное на столе мёртвое тело, а живые люди с их болезнями и страданиями, которые надо облегчать.

«Мне приятно от удобства моего ближнего,» – говорил Паре. В Отель-Дьё было мало приятного, особенно в родильном отделении, где стажировался Паре. Бывало, что половина женщин погибала от родильной горячки. Зато в больнице его научили не бояться крови и идти на риск, если риск мог спасти жизнь хотя бы одному больному из ста. «Не лечи злокачественную болезнь, чтобы не быть злонамеренным врачом,» – советовал Гален. Паре не читал Галена. «Нет большой заслуги в перелистывании книг,» – объявил он и, когда началась война, оставил мечты о поступлении в коллегию святого Козьмы, выбрав неверный и попросту опасный путь армейского хирурга.

Эмпирик Дубле тоже готовился к сражению. Заговаривал корпию, раскладывая рыхлые комки под палящими лучами солнца, двумя кожаными ведрами таскал воду из открытого где-то чудесного источника. А покончив с несложными приготовлениями, появился у палатки Амбруаза. Паре сразу заподозрил неладное, и действительно, вслед за Дубле появился пол-

ковник Монтежан. Он прошёл под навес, где рядами лежали раненные, повернулся к Дубле и коротко спросил:

– Где?

– Их тут много, – заторопился Дубле, – почти половина. Вот этот, например, – Дубле указал на одного из солдат. Тот лежал закрыв глаза и, видимо, был без сознания. Обнажённые руки густо иссекали широкие разрезы, это Паре безуспешно пытался остановить болезнь святого Антония. На впалой груди рядом с крестом висел пробитый гвоздём песттальер – талисман, предохраняющий от чумы. Хотя чума его владельцу была уже не страшна, жить ему оставалось от силы день или два.

– Послушай, – обратился полковник к Пареб – на тебя доносят, что ты взялся лечить испанцев, саксонцев и других недругов христианнейшего короля. Разве мало в лагере славных французов, что ты тратишь дорогие лекарства на этот сброд?

– Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, – ответил Паре.

Монтежан нахмурился. Добрый католик не должен в разговоре цитировать евангелие. Так прилично поступать гугеноту. Полковнику уже доносили, что его хирург нетвёрд в вере, но Паре покровительствовал герцог де Роган, оруженосца которого Паре вылечил в самом начале компании. Кроме того, Паре был хорошим хирургом и до сих пор справлялся с делами там, где спасовали бы и три врача. А Монтежан никогда не забывал, что королевским указом об организации легионов именно командующий обязывался содержать за свой счёт необходимое количество искушённых хирургов и костоправов.

– Паре, – медленно сказал Монтежан, – не нарушаешь ли ты королевских ордонансов против еретиков?

– Ваша милость, я не провожу богослужений.

– Тем лучше. А пока, займись делом. Отряд выступает, завтра мы приготовим тебе много работы. Что же до этих, – полковник махнул рукой, – то их лучше всего утопить. Император страдает в Эксе без воды, пусть хоть некоторые из его воинов напьются вдоволь.

На рассвете ударили пушки. Передовой отряд отходящего к Фрежюсу императорского войска попытался выйти к Роне и переправиться в Лангедок. Полки гранмэтра Монморанси загородили ему дорогу. Солдаты с обеих сторон шли плотными рядами, как ходили их деды и прадеды. Так казалось безопаснее, когда чувствуешь руку соседа, то знаешь, что никто не ударит тебя сбоку. Зато каждая пуля, выпущенная из аркебузы, попадала в цель, а тяжёлое ядро, выплунутое бомбардой, поражало иной раз десяток сгрудившихся воинов.

В скором времени стоны и крик вокруг палатки Паре заглушили шум далёкого сражения. Раненные валялись на земле, контуженные в грудь хрипели, на губах выступала розовая пена. Иные сидели, зажимая рукой рану с торчащим обломком копья. Сражённые пулей лежали, открыв такую нестрашную на вид рану солнцу, чтобы приостановить действие яда. Люди громко стонали, многие умирали, не дождавшись перевязки. Их оттаскивали в сторону.

Первому пациенту Паре остановил кровь и туго стянул повязкой руку, рассечённую ударом алебарды, следующему мощными щипцами «вороний клюв» вырвал стальной обломок лопнувшего арбалета, пробивший щёку и вонзившийся в изгиб скуловой кости. Раненные находились в шоке и почти не кричали. После перевязки Жан, чтобы привести в чувство, давал им по глотку крепкого вина и отводил под навес.

У третьего была огнестрельная рана. Пуля попала в бок, но отразившись от рёбер, вышла наружу. Его ещё можно спасти. Паре быстро очистил рану и протянул руку за меркой. Прозрачное бузинное масло медленно кипело в начищенном котелке, поставленном на угли жаровни. Паре пинцетом расширил рану и влил туда полную мерку масла. Раненый захлебнулся криком. Остро пахло горелым мясом. Паре, стараясь не дышать, повторил выжигание, сверху наложил смягчающую повязку из терпентина и яичного желтка, откинул полог палатки и хрипло крикнул:

– Следующий!

Двое служителей из числа легко раненых отнесли лежащего без сознания оперированного под навес. Паре, бледный, словно это его терзали только что, смотрел, как беднягу укладывают на соломе. Потом повернулся и пошёл в палатку, где уже полулежал в кресле очередной пациент. У него тоже было пулевое ранение.

Вскоре Амбруаз потерял счёт и времени, и операциям. Он сшивал, резал, прижигал, извлекал пули, стрелы и обломки костей. Вопли уже не задевали его слуха, а когда кто-то умирал прямо на столе, он лишь досадливо махал рукой и кричал:

– Это уберите и давайте следующего!

Жан метался как угорелый, не успевая подносить лекарства, корпию, полотно, и оттаскивать тазики полные крови и отсечённых частей человеческого тела. Проклята будь война! Никогда ещё она не была столь кровавой, ещё несколько лет и христианские королевства обезлюдят, и Солиман без боя подойдёт к стенам уже не Вены, а Парижа...

С первых минут сражения французам удалось опрокинуть неприятеля и погнать его от реки. Через раненых просто переступали, они оказывались за спинами французский солдат, где их подбирали люди назначенные Монтежаном. Кто мог добирался в лагерь на своих ногах, прочих без разбора грузили на телеги. На поле разбираться было некогда, люди истекали кровью, да и пули туда порой залетали. Сами раненые молчали, отлично зная, что если ты не дворянин и не можешь заплатить выкуп, то не стоит рассчитывать на милосердие. Оставалось надеяться, что в суматохе никто не отличит швейцарского наёмника из войск Франциска от его родного брата, отправившегося служить Карлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.